Такие особенности одического текстопорождения существенно ослабляют четкость, казалось бы, декларируемой одой идеи; эта идея — о непостижимости мира, а следовательно и Творца — вынуждена считаться с тем смыслом, который может в них имплицитно содержаться. В результате в связи с данной стратегией идеи «Вечернего размышления...» приобретают «логическую аморфность», полисемантичность и, так сказать, многослойность, многоуровневость.

4

Третья стратегия смыслопорождения, выполняющая, по сути, те же функции, уже имеет отношение к контексту. Понятие контекста применительно и к культуре «готового слова» вообще, и к «Вечернему размышлению...» в частности нуждается в некоторых разъяснениях и комментариях. Прежде всего любой текст рефлективно-традиционалистской эпохи сразу попадал в достаточно четко организованный риторический контекст: он, особенно в случае своей осознанно тщательной словесной организации (благодаря чему впоследствии, в постриторическую эпоху, его стали воспринимать как эстетически ангажированный), представлял собою воплощение в конкретную речевую ткань отвлеченной модели, хранящейся в культурном сознании риторического человека и сразу же опознаваемой при рецепции словесного произведения — оно видится не как неповторимо-индивиуальный акт письменной речевой коммуникации, а как единичный представитель множества произведений, порожденных той же моделью и посему эквивалентных друг другу. Наиболее значимым здесь фактором был жанр — применительно к «Вечернему размышлению...» — жанр духовной оды. Надо оговориться — среди духовных од середины XVIII в. «Вечернее размышление...» стоит отчасти особняком: наиболее распространенным типом духовной оды в русской поэзии была тогда перифрастическая ода, представленная прежде всего переложением псалмов. Конечно, и та разновидность данного жанра, которую представляет «Вечернее размышление...», существовала в поэзии того времени, более того, и ее содержательная амплитуда была весьма широкой — от натурфилософских тем (как у Ломоносова) до собственно духовных медитаций (А. П. Сумароков, позднее — В. И. Майков). Кроме того, между перифрастической и, условно говоря, медитативной ветвями духовной оды не было четких границ.[28] И все же некоторая жанровая обособленность, в частности

[28] Л. Ф. Луцевич, анализируя ломоносовские переложения псалмов, обращается также и к «Вечернему...» и «Утреннему...» размышлениям. См.: *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 252—254.